

С. Р. Сычева
(научный руководитель **О. Н. Турышева**)
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Образ Элизабет Боуэн в дневниках Чарльза Ричи (1941–1952)

Аннотация: история любви канадского дипломата Чарльза Ричи и британской писательницы Элизабет Боуэн стала известна благодаря ее письмам и его дневникам, опубликованным Викторией Глендиннинг в 2008 году. В статье предлагается анализ образа Элизабет Боуэн, созданный в дневниках Ричи. Автор прослеживает, как взаимодействуют в этом образе роль женщины и роль писателя, и как в зависимости от того, какая сторона образа оказывается доминирующей, меняется отношение к нему автора дневников. Используется методология гендерного анализа.

Ключевые слова: дневник, Боуэн, пишущий субъект, архетип, гендерная роль, модернизм, англо-ирландская литература.

В 1941 году – трагическом, открывшем череду страшных лет Второй мировой – Элизабет Боуэн, на тот момент уже успешная писательница, встречает Чарльза Ричи, канадского дипломата. Ей сорок один, уже восемнадцать лет она замужем за Аланом Кэмероном: отношения с мужем у Боуэн холодные и натянутые. Ему тридцать три: он холост и из-за службы долго не задерживается в одном месте. В феврале они видят друг друга впервые, а уже в сентябре – безумно влюблены. Для Ричи все это было поначалу лишь легкой интрижкой, мимолетным увлечением – лишь со временем он осознает, как Элизабет важна для него. Для Боуэн же серьезность чувства очевидна с самого начала.

Эта история стала известна читателю в 2008 году – с выходом книги *Love's Civil War: Elizabeth Bowen and Charles Ritchie* под редакцией Викторией Глендиннинг. Знаменитый биограф публикует выдержки из дневников Чарльза Ричи и письма Элизабет Боуэн. К сожалению, его письма и ее дневники не сохранились, Ричи сразу же уничтожил свои письма к ней, когда они были ему возвращены после ее смерти в 1973 г. Он пережил Элизабет почти на 20 лет и все это время не мог решить, как поступить с ее письмами. Он признавался, что не вынес бы, если бы их прочитал кто-то другой. И все-таки эти письма – выдающийся текст очень значимого автора, несомненно, обладающие не только биографической и исторической, но и художественной ценностью, а потому некоторые из его друзей, включая и саму Викторию Глендиннинг, убеждали Чарльза Ричи передать их университетской библиотеке. На уговоры Ричи не поддался.

Письма Боуэн Ричи не уничтожил, хотя значительно отредактировал, исключил особенно интимные, личные подробности, избавляясь от пассажей, страниц, а где-то от целых писем, так что происходившее за некоторые недели, даже месяцы нам оказывается не известно. Так, исключены, например, письма, созданные после смерти мужа Боуэн Алана Кэмерона в 1953 году.

Сохранившиеся письма и личные дневники (тоже отредактированные) Ричи завещал своей племяннице Элизабет Ричи (которую и сама Боуэн очень любила). Она же, скончавшись в 2001, году завещала все это Джудит Робертсон, своей подруге, дочери старшего коллеги и друга Чарльза – Нормана Робертсона. Джудит Робертсон и предоставила материалы для книги, а также биографическую справку, участвовала в редакции.

Такое положение дел: и неполнота, и принадлежность к разным жанрам – конечно, осложняет анализ текстов. Кажется, в должной степени объективности картину этих отношений воссоздать не удастся. Так, английский писатель Джон Уолш отмечает порой совершенно противоположное отношение Боуэн и Ричи к происходящему между ними. Он пишет: «Проблема этой книги в том, что, имея только дневники Чарльза, трудно понять, почему Элизабет Боуэн продолжала поддерживать отношения с этим мерзким солипсистом.

Несовпадение между их чувствами всегда очевидно» (перевод наш – С.С.). Как бы порой ни хотелось согласиться с этим высказыванием, приходится признать, отношения их не столь прямолинейны, как их оценивает Уолш.

Нам все же представляется, что анализ некоторых аспектов этих текстов может быть весьма объективным. Интересными показались нам дневники Чарльза Ричи первого периода, то есть 1941–1952 гг. (до смерти мужа Боуэн – Алана Кэмерона). На них мы и сосредоточим свое внимание. Постараемся проследить, как Чарльз Ричи конструирует в своих дневниках образ Элизабет Боуэн.

В самом начале отношений Ричи очарован своей возлюбленной: она кажется ему загадочной и противоречивой, никак не выходит разгадать ее. Он пишет:

“But then with her I never know what to believe. She croons away at me in that sympathetic, sensitive young voice of hers, with its stutter of shyness. She seems all romance and girlish seriousness. It can be all bluff – and yet. <...> She is a witch, that’s what it is” [Glendinning, c. 22].

«Но с ней я никогда не знаю, чему верить. Она все поет сочувственным, чувствительным молодым голосом, в котором чувствуется застенчивость. Она кажется романтической и по-девичьи серьезной. Все это может быть блефом – и все же. <...> Она ведьма, вот в чем дело» (перевод наш – С. С.).

Его удивляет то, как молодо выглядит и ведет себя Боуэн, несмотря на то, что ей уже сорок. Можно предположить, что такая юность, даже детскость возлюбленной, открывает для Ричи возможность начать выстраивать ее идентичность в соответствии с довольно стандартной схемой, стать на позицию мужчины – то есть более сильного, главенствующего в отношениях. Однако сделать это ему не удастся по двум причинам. Первая: она «ведьма». Вторая: она писатель.

Уже с первых записей Ричи начинает называть свою возлюбленную ведьмой. И если поначалу это имя связано со странной очарованностью, каким-то смутным, еще не осознанным до конца ощущением и оценивается скорее положительно, то через некоторое время оно приобретает оттенок скорее негативный: ведьма – потому что никуда не деться от ее влияния, ее магнетической притягательности. Сколько раз Ричи намеревался порвать с ней отношения, убеждал себя в том, что перестал к ней что-либо чувствовать – все напрасно. Можно сказать, что в тексте Ричи воплощается в отношении Боуэн архетип ведьмы – Великой Матери, образ, который может иметь и темную – хтоническую сторону. Ричи ощущает с ее стороны власть и влияние. Такой выбор архетипа нетипичен для романтических отношений, и, тем не менее, Боуэн как женщина вполне может с ним отождествляться.

Гораздо сложнее дела обстоят со вторым объяснением. Почти сразу Ричи спрашивает себя: а может ли он отделить в этом случае человека от писателя? Не влюблен ли он в Элизабет Боуэн только потому, что считает ее гениальной? В какой-то момент Ричи даже будет утверждать, что его любовь – воображаемая: в том смысле, что не сердце, а разум выбирает любить. Кроме того, Ричи не может до конца определить, где в словах Боуэн кончается действительность и начинается литература. Но и это не главное: самое важное – то, что Боуэн как бы создает вокруг них текстовое пространство:

“One of the luxuries of this love affair is the giddy feeling of being carried along on the tide of her imagination, being transmuted into literature; sitting for my portrait or being swallowed alive?” [Glendinning, c. 32].

«Одна из роскошей этого любовного романа – головокружительное ощущение того, что меня несет по течению ее воображения, что я воплощаюсь в литературе; позирую для своего портрета или проглочен заживо?» (Перевод наш – С. С.).

Уже здесь Ричи признает почти нераздельную власть Боуэн и ощущает почти смертельную угрозу. Теперь он – часть ее текста и как бы лишен собственной воли. Чуть ниже он пишет:

“We sat on the river’s bank and watched the swans go by in slow indignation... We are the happiest in this dreamlike state, watching, talking, drifting, and when we are happy it always seems as though we were figures in a tapestry” [Glendinning, c. 33].

«Мы сидели на берегу реки и смотрели, как лебеди проплывают мимо в медленном негодновании... Мы счастливее всего в этом состоянии сна, наблюдая, разговаривая, как бы качаясь на волнах, и когда мы счастливы, нам всегда кажется, что мы – фигуры на гобелене» (перевод наш – С. С.).

Ричи здесь даже употребляет фразу из последнего на тот момент романа Боуэн – «Смерть сердца» (*swans in slow indignation swam [Bowen, c. 6]*). Сам факт того, что возлюбленные проводят время в Риджентс-парке, излюбленном месте действия в романах Боуэн, наталкивает его на мысль о том, что они – герои очередного ее произведения. Особенно удивительно то, что Ричи на тот момент уже знал подробности личной жизни возлюбленной настолько, чтобы заметить, что гостиная, описанная в романе, повторяет действительную гостиную писательницы, вплоть до расположения мебели. А отношения Анны и Томаса (героев «Смерти сердца») – отношения Боуэн и ее мужа.

Еще более удивительно то, что Боуэн в том самом романе описала чувство, которое теперь испытывает Ричи. Один из героев – Сент-Квентин (кстати, писатель) укоряет юную Порцию, которая ведет дневник:

«...what you write is quite silly, but all the same, you are taking a liberty. You set traps for us. You ruin our free will. <...> You put constructions on things» [Bowen, c. 235].

«...пишешь ты, наверное, одни глупости, но в то же время позволяешь себе всякие вольности. Расставляешь нам ловушки. Отбираешь у нас всякую свободную волю. Ты создаешь из событий конструкции» [Боуэн, с. 402].

Если взглянуть на эту ситуацию в гендерном аспекте, обнаружится некоторое противоречие. Лора Бартлетт пишет: «С лингвистической точки зрения, с позицией субъекта, который является автором, связаны логика, рассудок, власть и активность – черты, присущие мужчине. Из-за этого женщине, чьему гендеру присущи “противоположные” черты, не сможет с легкостью установить свою субъектность в этой позиции. Если рассматривать их как “естественные”, то эти черты, которые патриархальный дискурс приписывает женщине, препятствуют возможности ее полной репрезентации и как “женщины”, и как “автора”. Участвовать в творческом акте, писать значит принять черты, которые патриархальный дискурс приписывает мужчине» (перевод наш – С. С.) [Bartlett, c. 45].

Сам Ричи находится, несомненно, в этом патриархальном дискурсе. Вот что он напишет (речь здесь об одних его сторонних отношениях в конце 40-х): *«I have nothing to give her except a little pleasure and she is beginning to see that, for she damn is all to extremely intelligent too and too competent. It gives me a little shock of distaste to have a competent woman about/ I like women extravagant, late for appointments, willful fond of showy clothes and society, vague drifting dreamy, and yet of course all she is is tiresome».*

«Мне нечего ей дать, кроме небольшого удовольствия, и она начинает это понимать, ибо она, черт возьми, слишком умна и слишком компетентна. Я испытываю легкий шок отворачивания, когда рядом оказывается компетентная женщина. Мне нравятся женщины экстравагантные, опаздывающие на встречи, любящие показную одежду и общество, смутные, мечтательные, но, конечно, все, что она делает, утомляет» (перевод наш – С. С.).

Но к Боуэн – личности иного масштаба – такие мерки, конечно, неприменимы.

Получается, что Боуэн в этой ситуации становится субъектом – автором, а Ричи, следовательно, объектом. Такая расстановка сил противоположна традиционной, принятой в патриархальном обществе (глупо было бы отрицать присутствие патриархальных моделей в английском обществе середины XX века), когда женщина предстает как объект (пусть и объект почитания и восхищения, муза), а мужчина – как субъект, который может этот объект запечатлеть. Субъект находится, очевидно, в сильной позиции. Власть определяется отношением к тексту: ею обладает тот, кто может творить текст и тем самым перестраивать реальность.

Тем не менее, Ричи, кажется, смиряется со своим положением. С чем же это может быть связано? С одной стороны, он компенсирует свою уязвимость попыткой описать и запечатлеть в своих дневниках саму Боуэн, то есть самому стать субъектом. Хотя попытка эта может

выглядеть жалкой в сравнении с той мощью, которой обладает текст Боуэн. С другой стороны, проблема эта как будто перестает волновать Ричи. По-видимому, это связано с обретением чувства независимости. После окончания Второй мировой Ричи уезжает в Оттаву, где, с головой погруженный в политическую жизнь, проводит целый год. В 1943 он мог писать:

«E has become the centre of my life. As usual, I struggle with my own love for her and with a lamentable but characteristic panic. <...> I am being absorbed by love that wishes to penetrate and to possess» [Glendinning, с. 37].

«Это стало центром моей жизни. Как обычно, я борюсь с собственной любовью к ней и с прискорбной, но характерной паникой. <...> Меня поглощает любовь, которая хочет проникнуть в меня и овладеть мной» (перевод наш – С. С.).

В 1945 году о своей возлюбленной Ричи пишет редко. Часто он утомлен, апатичен, безразличен к происходящему вокруг, в том числе – к их отношениям. Его заботит собственное будущее, в том числе – создание семьи. Ричи почти не пишет об этом в дневнике, не видим мы этого и в письмах Боуэн. Однако, возможно, он решает жениться, лишь осознав, что Боуэн со своим мужем разводиться не станет, хотя дело, конечно, не только в этом. Любовь и брак для Ричи – две разные вещи. Так, в 1950-х он пишет о том, как заскучал в браке, а иногда – с удивлением – замечает, что, кажется, начал влюбляться в свою жену. В 1948 он женится на Сильвии Смелли, с которой счастливо проживет до самой смерти. Разве что в 1944 году он упоминает, что Элизабет, кажется, не против того, чтобы он женился на Сильвии, ведь это то же самое, что жениться на себе (Сильвия была близкой родственницей Чарльза).

Кроме того, поначалу чувство Ричи не было столь глубоким. Не раз писал он и о том, что Боуэн, кажется, любит его сильнее: она очень внимательна к нему и принимает его таким, какой он есть. Хотя и в этом принятии Боуэн нередко занимала как бы покровительственную позицию. Ричи пишет, очевидно, воспринимая отношения с Боуэн как опыт взросления:

«when she has finished with me, I may be grown-up instead of a permanent adolescent» [Glendinning, с. 33].

«когда она закончит со мной, я смогу стать взрослым, а не вечным подростком» (перевод наш – С. С.).

Конечно, со временем Ричи примирится со своим чувством к Боуэн, признает его важность в своей жизни. В начале 1946 года он напишет:

«I see now that what I feel for E with all its imperfections (on my side) is the 'Love of my life' and that I must never hope to find that again. Any other love will have to be of a different kind» [Glendinning, с. 83].

«Теперь я понимаю, что то, что я чувствую к Е., со всеми ее недостатками (с моей стороны), – это "Любовь всей моей жизни", и что я никогда не должен надеяться найти ее снова. Любая другая любовь должна быть другого рода» (перевод наш – С. С.).

Быть может, дело в том, что Ричи обретет некоторую независимость от этих отношений, от своих чувств к Боуэн. Любовь к ней будет то пропадать, как бы сходить на нет, то снова разгораться в сердце Чарльза Ричи: тогда он будет скучать, томиться, воспринимать эту любовь как главную и самую сильную в своей жизни. Продолжаться это будет до самой смерти Элизабет Боуэн в 1973 году. Нам же было интересно обратить внимание на раннюю стадию развития отношений, проследить, какой образ возлюбленной конструирует для себя Чарльз Ричи и какую роль в этом процессе играет текст, поразмышлять в связи с тем и о власти текста, и о власти пишущего субъекта.

Литература

- Боуэн Э. Смерть сердца: Роман / Пер. с англ. А. Завозовой. – М. : Фантом Пресс, 2019.
- Bartlett L. Reflection/Reflected The Construction of Female Subjectivity in Elizabeth Bowen's The Last September and The Death of the Heart, 1997.
- Bowen E. The Death of the Heart. – NY. : Random House, 2015. 299 с.
- Glendinning V. (ed.). Love's Civil War: Elizabeth Bowen and Charles Ritchie. – Simon & Shuster Australia. Sydney, 2009.

Sycheva S. R. The Image of Elizabeth Bowen in Charles Ritchie's Diaries (1941–1952)

Abstract. The love story of Canadian diplomat Charles Ritchie and British writer Elizabeth Bowen became known through her letters and his diaries published by Victoria Glendinning in 2008. The article offers an analysis of the image of Elizabeth Bowen as it is created in Ritchie's diaries. The author traces how the role of a woman and the role of a writer and author interact in the text, and how Ritchie's attitude to the image of his beloved changes depending on which side of it turns out to be dominant. The author addresses the methods of gender analysis.

Keywords: diaries, Bowen, writing subject, archetype, gender role, modernism, Anglo-Irish literature